

УДК 94(47+57)''1917'':351

doi 10.17072/2219-3111-2021-3-101-113

Ссылка для цитирования: *Тарасов К. А.* Московское государственное совещание 1917 года в поисках преодоления языка классовой борьбы // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 3(54). С. 101–113.

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ 1917 ГОДА В ПОИСКАХ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЯЗЫКА КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ¹

К. А. Тарасов

Санкт-Петербургский институт истории РАН, 197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7;
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), 197022, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 190008, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16
senderkeeper@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8350-8170
ResearcherID: AAL-5906-2021

В статье представлена история созыва и проведения Государственного совещания в Москве 12–15 августа 1917 г. Предлагается рассмотрение данного общественного форума в контексте корпоративистской политики Временного правительства, привлекавшего различные общественные, профессиональные, национальные и другие организации для участия в управлении страной. Идея совещания начала претворяться в жизнь после попытки отстранения от власти правительства 3–5 июля 1917 г. Всего в совещании приняло участие до 2600 человек, представлявших центральные органы Советов, бывших членов Государственной думы, различные военные, хозяйственные, продовольственные организации, местное самоуправление и т.д. На протяжении четырех дней участники форума пытались найти общий язык, который способствовал бы объединению. Однако заседания Государственного совещания прошли в конфликтной обстановке. В ходе дискуссий было заметно разделение участников на два условных лагеря. При этом группы, разошедшиеся по целому ряду вопросов, сложно отнести к полюсам «буржуазия» – «демократия». Граница между ними имела не столько социальное, сколько дискурсивное происхождение. Серьезные взаимные претензии не позволили им выработать общую платформу. В заключении статьи сделан вывод о том, что в ходе совещания не удалось реализовать «чистую форму» корпоративизма, представительства групповых интересов. Главным политическим группам удалось объединить вокруг своих деклараций значительную часть общественных и профессиональных организаций. Кроме того, язык классовой борьбы оставался доминирующим в дискурсе совещания. Он использовался очень разными социальными группами для описания разнообразных конфликтов того времени.

Ключевые слова: революция 1917 г., Государственное совещание, корпоративизм, общественные организации, буржуазия, демократия.

Без упоминания о Государственном совещании не обходится практически ни одно обобщающее исследование о революции 1917 г.² Как правило, оно рассматривается в контексте подготовки Корниловского выступления. Особое внимание обязательно уделяется противостоянию министра-председателя Временного правительства А. Ф. Керенского и верховного главнокомандующего генерала Л. Г. Корнилова. Иногда упоминается позиция умеренно-социалистического блока, представленная в речи Н. С. Чхеидзе. За такой персонификацией конфликта обычно видят борьбу либо классов («буржуазия» против «демократии»), либо партий (кадеты и более правые против умеренных социалистов), либо политических программ (военная диктатура против коалиции). Так или иначе, исследователи сходятся в том, что Государственное совещание со всей очевидностью показало поляризацию политических сил революции [Октябрьское..., 1967, с. 114–125; Иванов, 1977, с. 74–119; Минц, 1977, с. 613–621; Рабинович, 1989, с. 136–141; Поликарпов, 1989, с. 238–249; Иоффе, 1995, с. 112–119; Булдаков, 2010, с. 318–320; Шубин, 2014, с. 314–326; Российская..., 2017а, с. 516–519]. Можно резюмировать,

что тема Государственного совещания 1917 г., как правило, сводится к аспектам политической борьбы и прямого предвестника Корниловского выступления.

Однако при таком подходе из внимания исследователей ускользает роль Государственного совещания в изменениях политической культуры в 1917 г. и вовлечения новых социальных групп в управление государством. Продолжая заметные процессы роста числа добровольных ассоциаций, наметившиеся со второй половины XIX в. [Bradley, 2009; Туманова, 2014], революция 1917 г. вызвала новую мощную волну создания организаций для представительства групповых интересов. Самыми известными из них, конечно, являлись рабочие, солдатские и крестьянские Советы и комитеты разного уровня. Этими группами населения ситуация не исчерпывалась. Те же тенденции отметили исследователи в отношении городских средних слоев. Самыми крупными их объединениями были союзы почтово-телеграфных служащих и работников железной дороги [Булдаков и др., 1981; Знаменский, 1988; Массовые..., 1988; Orlovsky, 1989; Orlovsky, 1991]. И даже те группы, которые при прежнем строе считались элитой – крупные земельные собственники, домовладельцы, офицеры, промышленники и т.д., – создавали сообщества для защиты своих интересов в новых условиях [Rendle, 2010].

Из представителей общественных и профессиональных организаций, а также городского и земского самоуправления в первые дни революции формировались комитеты общественной безопасности или общественные исполнительные комитеты. Наряду с Советами, они на долгое время стали революционными органами местного самоуправления [Бурджалов, 1971, с. 163–188; Старцев, 1980, с. 193–200; Герасименко, 1992; Российская..., 2017b, с. 97–107]. Эксперты в разных областях и общественные активисты активно привлекались Временным правительством для работы в разнообразных государственных комитетах и совещаниях [Российская..., 2017a, с. 463–466, 497–516]³, а некоторые даже приглашались на должности в центральном аппарате.

В ряду этих тенденций следует рассматривать и Государственное совещание, и последовавшие за ним Демократическое совещание и Предпарламент. По мнению исследователя истории последних двух общественных форумов С. Е. Рудневой, их задачей было заполнить «парламентский вакуум» вокруг Временного правительства и стать опорой временным властям до Учредительного собрания [Руднева, 2000; Руднева, 2006]. В этом смысле историк следует концепции А. Б. Николаева и О. А. Поливанова о трех линиях развития российского парламентаризма в 1917 г.: думского, советского и «общественно-правительственного». К этому последнему типу, по мнению исследователей, и относилось Государственное совещание [Николаев, Поливанов, 1995, с. 75, 84].

Однако А. Б. Николаев и О. А. Поливанов также подчеркнули в своей работе, что важным фактором развития этой линии парламентаризма являлось стремление профессиональных и общественных организаций распространить свое влияние на решение вопросов государственной жизни [Там же, с. 73]. Этому моменту до сих пор не придавалось должное значение в историографии Революции 1917 г. Вместе с тем У. Розенберг отметил, что в целом деятельность Временного правительства была направлена на осуществление надклассовой и внепартийной политики, осуществлявшейся, в частности, в социальном посредничестве государства при решении конфликтов на местах [Rosenberg, 1994]. Д. Орловски в своих концептуальных статьях предложил использовать понятие «корпоративизм» (*corporatism*) для описания процессов, связанных с управлением страной в 1917 г. Исследователь подразумевал под ним привлечение правительством к сотрудничеству больших организованных групп интересов («корпораций») во внепарламентской форме (разнообразные совещания) для выработки государственной политики [Orlovsky, 1997; Орловский, 1998].

Обычно корпоративизм связывают с фашистскими режимами, он выступает как альтернатива либерализму, с его рыночными и демократическими институтами, и социализму, с его бесклассовостью и государственным регулированием экономики. Однако идея корпоративизма не была изобретением Б. Муссолини и др. Апология организации общества, основанного на профессиональных корпорациях, содержится, например, в работах Э. Дюркгейма уже с конца XIX в. [Дюркгейм, 1994, с. 302].

Еще одним важным для данной статьи понятием является «язык классовый борьбы». Под ним понимается основанное на марксистской теории убеждение о том, что общество делится на

две основные группы – «угнетателей» и «угнетенных», при капиталистической системе – соответственно на «буржуазию» и «пролетариат». Эти классы по определению имеют различные интересы и находятся в антагонистических отношениях. В 1917 г. социалистические партии объясняли происходившие события в русле данной теории. В итоге значительная часть населения активно использовала язык классовой борьбы для описания разнообразных конфликтов, имевших различную природу. Этот феномен Б. И. Колоницкий назвал «культурной гегемонией социалистов», элементом которой являлся и специфический политический язык [Колоницкий, 2017].

В русле этих предварительных замечаний в данной статье рассматриваются созыв, работа и итоги Государственного совещания 1917 г.

Идея созыва Государственного совещания родилась вследствие Апрельского кризиса Временного правительства. Появился проект создания совещательного парламента на паритетных основаниях членства представителей Временного комитета Государственной думы и деятелей Исполнительного комитета Советов, двух источников власти первого состава правительства. Также обсуждался вариант с более широким представительством и преобладанием «демократических элементов» [Николаев, 1989, с. 162–163]. В тот момент кризис был разрешен благодаря включению в состав министров советских лидеров и созданию первого коалиционного кабинета.

Вопрос об общественном форуме был отложен до июля 1917 г. После попытки переворота 3–5 июля и ухода ряда министров в отставку правительство находилось в затяжном кризисе, переговоры с основными политическими силами страны о формировании нового кабинета никак не могли завершиться. В этой ситуации министры вновь обсудили возможность проведения Государственного совещания. Сообщения об этом появились в прессе 14 июля (Чрезвычайное..., 1917; Всероссийское..., 1917; Совещание..., 1917). По итогам заседания члены правительства приняли постановление о созыве в ближайшее время в Москве «собраний представителей общественных организаций для непосредственного сообщения ему Временным правительством о современном положении дел в государстве и задачах ближайшего времени» (Вестник..., 1917).

Подготовка к совещанию растянулась и шла с перерывами в связи с продолжающимся правительственным кризисом. Только на следующий день после того, как он был преодолен, 25 июля Временное правительство признало созыв совещания в Москве «принципиально желательным» (Архив..., 2004, с. 140). Тогда же было подготовлено обращение нового кабинета министров к населению страны. В нем говорилось о необходимости создания «государственной мощи, которая очистит родную землю от неприятеля и привлечет к великой работе организованного строительства все живые силы страны на дело ее возрождения». Также выражалась надежда на то, что «русские граждане забудут перед лицом неприятеля разделяющие их споры, объединятся в великом жертвенном подвиге» (Обращение..., 1917). Иными словами, новый состав Временного правительства вновь призывал ставить общегосударственные интересы выше узкопартийных.

Почти через неделю, 31 июля, после сообщения министра-председателя А. Ф. Керенского было постановлено приступить к непосредственной организации форума «ввиду исключительности переживаемых событий и в целях единения государственной власти со всеми организованными силами страны». Подготовка Государственного совещания была возложена на министра почт и телеграфов А. М. Никитина, совместно с министрами торговли и промышленности С. Н. Прокоповичем и путей сообщения П. П. Юреневым (Архив..., 2004, с. 203).

К этому моменту был примерно определен круг участников будущего совещания. По данным, попавшим в прессу, предполагалось пригласить примерно по сто человек от Советов, земского и городского самоуправления, торговых и промышленных организаций и бывших членов Государственной думы – в общей сложности около 500 человек (К московскому..., 1917). Судя по архивным материалам, рассылка приглашений по телеграфу за подписью А. М. Никитина проходила с 3 по 9 августа (ГАРФ. Ф. 3529. Оп. 1. Д. 6).

Однако еще до окончательного решения о проведении Государственного совещания на адрес Временного правительства стали поступать просьбы разнообразных организаций допустить их к участию в планируемом форуме. По большей части такие обращения удовлетворялись. Далеко не все объясняли причины, по которым они имеют право послать своих делегатов.

Тем не менее в ряде случаев такие указания есть. Важно рассмотреть аргументы различных организаций, которыми они доказывают свое право быть допущенными в Государственное совещание. Некоторые из них просто указывали, что аналогичные структуры уже были приглашены (Там же. Л. 64, 128). Очень часто встречается ссылка на большое количество людей, которое представляют организации (Там же. Л. 90, 103, 117, 129, 201, 209, 222, 223). Кроме того, говорилось о важности той или иной отрасли или региона в жизни страны (Там же. Л. 116, 132, 146, 148, 200) и прилагаемых усилиях по борьбе с разрухой и строительству новой жизни (Там же. Л. 64, 81–82, 117, 124–125). Например, Союз георгиевских кавалеров Одесского военного округа назвал себя «пионером в мощной организации союза георгиевских кавалеров по всей России» (Там же. Л. 220).

Можно найти ряд случаев, когда аргументом выступал «демократический» состав учреждения, т.е. представительство низших слоев населения⁴. Например, Съезд представителей земских управ Саратовской губернии направил послание, в котором подчеркнул, что земства «пополнены демократическими элементами» (Там же. Л. 105). Петроградский комитет средней и мелкой промышленности утверждал, что является «единственной ныне организацией, фактически представляющей средних и мелких промышленников, т.е. наиболее демократические слои нашей промышленности» (Там же. Л. 130). Совет депутатов торгово-промышленных служащих называл своих членов «торгово-промышленным пролетариатом» (Там же. Л. 129). Эту стратегию можно признать удачной, поскольку министр продовольствия А. В. Пешехонов поручился за представителей губернских продовольственных комитетов, специально отметив, что их состав «наполовину демократический» (Там же. Л. 83).

А. М. Никитин еще на промежуточном этапе формирования общих списков участников вынужден был признать, что численность совещания увеличивается до 1500 человек (Государственное совещание..., 1917). А на заседании правительства 9 августа и вовсе заявил, что «окончательный состав совещания выяснится лишь в самый последний момент» (Московское совещание, 1917). Делопроизводство, связанное с подготовкой Государственного совещания, не сохранилось в полном объеме, поэтому оценить общее число делегатов можно только примерно. Комиссия по созыву форума определила состав в 2414 человек (Государственное совещание, 1930, с. XXIV). Судя по всему, участников было еще больше. Примерное число делегатов можно понять по отметкам на их мандатах, отложившихся в архиве. Самое большое число написано на удостоверении гласного Киевской городской думы А. М. Гинзбурга – 2601 человек (ГАРФ. Ф. 3529. Оп. 1. Д. 10. Л. 36). С учетом возможных ошибок при нумерации следует согласиться с распространенным в исторической литературе общим числом участников – примерно 2500 человек. Списки организаций, приглашенных на Государственное совещание, показывают впечатляющую картину распространения разнообразных обществ и ассоциаций, созданных к августу 1917 г. (ГАРФ. Ф. 3529. Оп. 1. Д. 7).

Члены Исполкомов Совета Крестьянских и Совета рабочих и солдатских депутатов получили самое крупное представительство – по 100 мест. Весомой также оказалась группа торгово-промышленных организаций – примерно 120 мест. По 20 мест было предоставлено таким корпоративным организациям, как Союз земельных собственников и Совет депутатов трудовой интеллигенции. По какому принципу формировалась эта численность, сказать трудно. Например, Учительскому союзу и Союзу инженеров было разрешено делегировать по 10 человек, при том что Союзу врачей – только 5. Непропорционально большим оказалось представительство советов присяжных поверенных со всей страны. Им было дано по два места на округ.

Профсоюзная группа насчитывала примерно 180 делегатов. Причем больше всего мест получили Железнодорожный союз и Профсоюз рабочих по металлу – по 10 представителей. За ними следуют Союз почтово-телеграфных служащих и Союз организаций торгово-промышленных служащих – по 5 человек.

По 2–3 человека приглашались от местного самоуправления не ниже губернского уровня (комиссары; председатели управ и гласные земств и городских дум; члены общественных исполнительных комитетов) по числу губерний. Исключение составили Петроград и Москва. Городским думами обеих столиц было разрешено послать по 15 представителей. К этой же группе можно отнести членов краевого управления (Закавказский и Туркестанский комитеты, Украинская центральная рада). В общей сложности местные власти прислали более 350 делегатов.

Крупное представительство оказалось у продовольственных комитетов, сельскохозяйственных обществ и кооперативов (от трудовых артелей до обществ мелкого кредита), приехавших со всех уголков страны. Военная группа состояла из членов всех армейских комитетов, штабов и казачьих войск. Получили приглашения и высшие учебные заведения, научные организации крупнейших городов, а также отдельные представители религиозно-философских обществ и духовенство разных конфессий. Одна делегатка представляла Лигу равноправия женщин. При этом национальные группы получили довольно скромное представительство – в основном по 1–2 делегата. Всего их насчитывалось 58 человек. Больше всего делегатов оказалось у евреев и грузин – по 5 человек.

До последнего момента не было ясно, примут ли участие бывшие члены всех четырех составов Государственной думы. В итоге на заседании они представляли самую крупную группу – 488 человек (Государственное совещание, 1930, с. XXIV).

А. М. Никитин говорил, что у него не было достаточно времени, чтобы «разработать вопрос о том, какие именно организации имеют право на представительство и в каком числе» (Московское совещание, 1917). Приведенные числа говорят скорее в пользу того, что министр лукавил. Он справедливо отметил, что «говорить о той или иной пропорциональности представительства не приходится» (Там же). Места в Государственном совещании выделялись в зависимости от значимости организации в глазах правительства, а не реальной численности. В противном случае торгово-промышленные группы потонули бы среди представителей кооперативов и профсоюзов. Но и внутри самих групп акценты были расставлены в пользу экономического значения конкретных объединений.

Государственное совещание открылось 12 августа 1917 г. длинной речью министра-председателя А. Ф. Керенского. Рефреном в ней звучала идея подчинения групповых, личных и классовых интересов общему делу. «Мы ждем от вас не распрей, не междоусобных столкновений, не злостной критики и высокомерных указаний, – говорил министр-председатель, – а мы ждем от вас единственного, что нужно стране: это – вы чувствуете ли в себе это великое горение, самоотвержение во имя общего целого, вы чувствуете ли в себе силу и волю к порядку, жертвам и труду, чувствуете ли вы, что не в словах, не в распрях, а в самоограничении каждого из всех классов, в работе не урочной, а день и ночь, в жертвах не по спискам, а все до конца, – вот что нужно, вот что требуется» (Государственное совещание, 1930, с. 9–10). В том же духе и даже отчасти стиле выступил и министр внутренних дел Н. Д. Авксентьев, предлагавший собранию поставить во главу угла идею государственности и порядка.

Самым информативным оказался доклад министра торговли и промышленности С.Н. Прокоповича. Он изложил конкретные меры, к которым планирует прибегнуть правительство. В целом они сводились к увеличению вмешательства государства в экономическую и социальную жизнь, что задевало интересы всех слоев населения. «Правительство просит, правительство требует от вас жертв. Пусть капиталист откажется от излишней прибыли (Аплодисменты), пусть рабочий откажется от излишнего отдыха (Аплодисменты). <...> Граждане-капиталисты, отдайте в распоряжение Временного правительства ваши предпринимательские способности и ваши капиталы. Граждане-рабочие, отдайте государству ваш труд. Граждане-крестьяне, накормите вашим хлебом армию и города, работающие на оборону страны. Спасение родины в ваших жертвах» – закончил он свою речь (Там же, с. 32).

Последним среди членов Временного правительства выступил министр финансов Н.В. Некрасов. Он несколько раз подчеркнул, что правительство будет привлекать к работе только знающих людей, не считаясь с их партийностью. Сами же меры должны были сказаться на всем населении вне зависимости от достатка. Говоря об имущественном налоге, министр заявил: «После проведения этой поистине грандиозной реформы можно будет уже смело сказать, что нас с имущих классов будет взято все, что с них можно будет взять» (Там же, с. 39). Оставшуюся часть населения должны были затронуть налоги косвенные. Н. В. Некрасов в очередной раз отметил, что в данном случае Временное правительство исходит из требований всего государства. В конце своей речи министр суммировал предлагаемые властями три элемента спасения страны: порядок, жертвы, нужды обороны (Там же, с. 43).

Следующий день 13 августа организации потратили на выработку своих позиций по поводу заявления правительства. Корреспондент газеты «Речь» считал, что различные группы

сходились во мнении, что речи членов Временного правительства «не помогли выковать то национальное единство, которое так необходимо в нынешний острый момент». Он также выразил мнение, что «настроение участников совещания не оставляет сомнения в том, что общий язык между “буржуазными кругами” и “революционной демократией” на Московском совещании едва ли будет найден» (Предварительные..., 1917). Совещания проходили как в отдельных партиях, так и среди некоторых профессиональных организаций. Общую декларацию не смогли принять на собрании бывших членов всех четырех созывов Государственной думы. В итоге они выступали по отдельности. Собрание торгово-промышленной группы (примерно 120 делегатов) приняло решение придерживаться декларации, принятой на Совещании общественных деятелей 8–10 августа. По основным направлениям она напоминала программу, принятую для оглашения членами Государственной думы 4-го созыва (Совещание групп, 1917; Собрание..., 1917). Большой блок удалось организовать делегации ВЦИК Советов. Еще 11 августа около 400 представителей кооперативов, профсоюзов и других организаций приняли решение выработать «общую декларацию от имени всей демократии» (Накануне, 1917). 13 августа под председательством Н. С. Чхеидзе состоялось заседание «представителей всех демократических организаций, стоящих на платформе советов». Собрание открылось речью И. Г. Церетели, который отметил, что «буржуазия интересы всенародные подчиняет своим классовым интересам, высказал, однако твердую уверенность, что творческие силы, готовые работать на пользу народа, имеются и у буржуазии, и необходимо поэтому сделать последнюю попытку столкнуться» (Объединенное..., 1917). Таким образом, наметились две основные программы, которые значительные части собрания решили отстаивать.

В этот же день были согласованы порядок выступлений, количество ораторов и время, предоставленное каждой группе (от 5 до 30 минут). Записавшихся оказалось так много, что было решено продлить совещание еще на один день (Распределение..., 1917). В первый день возобновленных дискуссий, 14 августа, больше звучало речей, одобрявших жертвы во имя государства. Затем все чаще выступали группы, более ясно выражающие интересы условных противоположных лагерей. В эпицентре дискуссий 14 августа была острая пикировка членов Государственной думы 4-го созыва и представителей Исполкома Советов. 15 августа как минимум половину дня потратили на выступления представителей предпринимателей и рабочих.

По главным пунктам, о которых говорили министры в первый день, удалось достичь более или менее ясного консенсуса. Ораторы разных направлений признавали необходимость восстановления дисциплины и порядка в стране, преодоления хозяйственной разрухи. Большая их часть поддержала необходимость сильной власти. Различия заключались только в тех конкретных мерах, которые необходимо провести в жизнь, и о том, что собой представляет сильная власть. У совещания не было практически никаких разночтений только по вопросу об обороне. Несмотря на дискуссию об ограждении армии от политики, выступавшие сходились на том, что войну необходимо продолжать, а сепаратный мир невозможен. Выступления представителей армии и заявления о стойкости фронта неизменно встречались аплодисментами и даже овациями [Поликарпов, 1995, с. 232].

Переходя к самим выступлениям на Государственном совещании, необходимо сказать, что делегаты в буквальном смысле пытались найти или выработать новый общий язык. Тон в данном случае задал в своей первой речи А. Ф. Керенский. Он признался, что хотел бы найти «нечеловеческие слова» для того, чтобы передать то ужасающее положение, в котором находится страна (Государственное совещание, 1930, с. 9). Ряд ораторов сделали вывод, что таким образом министр-председатель стремился вызвать гражданское чувство среди присутствующих (Там же, с. 102, 117, 140). Однако, например, крупный предприниматель П. П. Рябушинский считал, что слов об опасности недостаточно для сплочения собрания (Там же, с. 255). В. Д. Набоков, представлявший на совещании членов Государственной думы 1-го созыва, в своей речи призывал найти «тот общий язык, который связывает, а не разъединяет, те слова, которые доходят до сознания и совести каждого, зовут к деятельному подвигу, пробуждают от мертвого равнодушия» (Там же, с. 49). Бывший московский городской голова Н. И. Астров развил эту метафору и увещевал, что если общий язык найден не будет, то «исполнится страшное библейское сказание о вавилонском строительстве» (Там же, с. 141).

Найти объединяющие слова оказалось для собравшихся непросто, с учетом того что даже рассадка поделила зал на «левых», центром которых были представители Советов, и «правых», сгруппировавшихся вокруг членов Государственной думы. Кроме того, сами ораторы очень часто предпочитали использовать язык классовой борьбы. А. Ф. Керенский даже указал на сложность его избегания: «Я верю, что, преодолевая естественные противоречия внутренних между классами и партиями отношений, вы, граждане, найдете в себе силы, разум и мужество воли сказать то, что нужно сейчас стране» (Там же, с. 45). Хотя эта тема присутствовала имплицитно на протяжении всех заседаний, вплоть до последней вечерней сессии 15 августа, вопрос классовой борьбы открыто не поднимался. Ораторы пытались отстраниться от понятий классовой борьбы, взяв их в кавычки. Так, Г. В. Плеханов во время своего выступления успел поправить: «Обращаюсь к тем, кто представляет из себя буржуазию, или, так как этому термину начинают придавать некоторый привкус одиозности, – к представителям торгово-промышленного класса» (Там же, с. 234). А. И. Гучков в эмоциональном порыве стал говорить с левой частью зала «от имени той буржуазии, которую кланут и распинают» (Там же, с. 288).

Большинство ораторов признавало «междоусобную рознь» в обществе, обострившуюся после революции. Вторя речи министра-председателя, многие выступавшие видели выход из этой ситуации в подчинении личных и групповых интересов общенациональным и общегосударственным. Однако содержание этой идеи представлялось по-разному. Одни понимали под этим урезонивание растущих требований низов общества, другие – в подчинении «имущих слоев» интересам всего народа.

Организации, в основном объединявшиеся декларацией представителей Государственной думы 4-го созыва, считали, что необходима единая, твердая власть, что Временное правительство должно действовать вне интересов отдельных партий или классов, проводить политику, обособленную от влияния безответственных организаций, под которыми чаще всего понимались Советы. Ярче всего эта позиция выразилась в выступлениях М. В. Родзянко, А. И. Гучкова и А. М. Каледина. Выступление последнего от имени казачества произвело особенный резонанс, если не сказать скандал, среди участников Государственного совещания. Он первым заявил о необходимости полного запрещения митингов и собраний «с их партийной борьбой и распрями», а также упразднения Советов и различных комитетов (Там же, с. 75). Смысл его позиции и некоторых других ораторов можно выразить словами А. М. Каледина: «В грозный час тяжких испытаний на фронте и полного развала от внутренней политической и экономической разрухи страну может спасти от окончательной гибели только действительно твердая власть, находящаяся в опытных и умелых руках (возгласы справа: «Браво, браво») лиц, не связанных узко-партийными групповыми программами (возгласы справа: «Правильно», аплодисменты), свободных от необходимости после каждого шага оглядываться на всевозможные комитеты и Советы (аплодисменты справа, возгласы: «Правильно»), отдающие себе ясный отчет в том, что источником суверенной государственной власти является воля всего народа, а не отдельных партий и групп» (Там же, с. 75).

К лозунгу внепартийности власти готовы были присоединиться часть представителей земств, поскольку, по словам А. Е. Грузинова, «на местах целый ряд культурных работников и в земстве, и в иных учреждениях, и на железных дорогах, и на фабриках, и где угодно, устранен от работ только потому, что он причисляется к тому классу, который называется “буржуем”» (Там же, с. 160). С аналогичных позиций выступали инженеры и технические работники, считая необходимым привлечение опытных людей к работе органов регулирования промышленности и снабжения, управления важнейшими отраслями хозяйства (Там же, с. 158, 176). Близкой к данной программе оказалась группа ученых и профессоров. Наиболее умеренные критики разнообразных комитетов (прежде всего, солдатских⁵ и земельных) и профессиональных союзов выступали за введение их деятельности в законные рамки.

Другая позиция была выражена в декларации «объединившихся организаций революционной демократии», зачитанной Н. С. Чхеидзе (Там же, с. 78). Кроме прозвучавшей программы конкретных мер выхода из кризиса, эти организации отстаивали идею, что Советы и разнообразные комитеты, представляющие низы общества, всегда ставили интересы страны и революции выше интересов отдельных классов и групп населения. Только опираясь на подобные структуры, правительство могло рассчитывать на реализацию своей программы. Их запреше-

ние же сделало бы власть «орудием в руках привилегированных и имущих» (Там же, с. 79). Сторонники этой декларации призывали к сохранению правительственной коалиции, являющейся воплощением классового сотрудничества. Позитивный опыт совместной деятельности с Советами отмечали в своих выступлениях представители переизбранных самоуправлений, профессиональных союзов, продовольственных комитетов. Естественность коалиции, по мнению оратора от кооперативной группы, объяснялась самой ежедневной работой: «Мы не знаем партий в нашей среде. Мы объединяем всех, и в нашей среде мирно работают рядом, плечо к плечу, различные слои русской общественности» (Там же, с. 297).

Ключевым выступлением этого направления стали две речи, произнесенные членом ВЦИК Советов И. Г. Церетели. Он пообещал поддержку правительству, чтобы оно сумело привести мерами государственного принуждения ко всем «свокорыстным группам» (Там же, с. 127). Далее оратор подчеркнул, что «организованная демократия» постоянно боролась с чрезмерными требованиями трудящихся. Обращаясь к правой части зала, он спросил: «Где передовые слои ваших классов, где борьба в рядах ваших классов во имя общенародных интересов с теми, кто не возвысился до понимания этих интересов?» (Там же).

Прежде чем предоставить слово представителям торгово-промышленных организаций и профсоюзов, А. Ф. Керенский дал внеочередное слово старым революционерам: Е. К. Брешко-Брешковской, П. А. Кропоткину и Г. В. Плеханову. В их обращениях звучал призыв к социальному сотрудничеству. Г. В. Плеханов закончил этот блок выступлений словами: «И вам, представители крайней революционной демократии, и вам, представители торгово-промышленного класса, не надо быть сторонниками такой борьбы, благодаря которой от вас не осталось бы ничего кроме хвостов. Ведь тогда погибла бы наша общая мать Россия к великой радости германских империалистов» (Там же, с. 238).

Затем после перерыва слово, наконец, было дано представителям «буржуазии», т.е. крупным собственникам и предпринимателям. В этот момент могло показаться, что соглашение может быть достигнуто. Один за другим они заявляли, что готовы пойти навстречу всем организациям и слоям населения, готовым выработать позитивную программу.

Кульминацией этого заседания стала речь представителя от Государственной думы 4-го созыва А. А. Бубликова. Он вышел на трибуну, чтобы от имени «торгово-промышленной буржуазии» ответить «вождю русской демократии» И. Г. Церетели (Там же, с. 267–268). Бубликов заявил: «И вот теперь, когда на третий день нашего совещания, мы услышали долгожданные слова, когда нам в первый раз протянули братскую руку, эта рука, заявляю я от торгово-промышленного класса, не повиснет в воздухе» (Там же, с. 268–269). Не ограничившись словами, он под бурные аплодисменты действительно пожал руку Церетели.

Однако вслед за этой сценой слово было дано представителям профсоюзных организаций. Один из них указал, что профсоюзы, «руководя неустанно классовой борьбой пролетариата», одновременно «содействуют введению в известные организационные рамки стихийного рабочего движения» (Там же, с. 277). Другой начал свое выступление словами: «История общества есть история борьбы классов. Эту формулу вы можете припомнить и теперь припомните ее потому, что многие из вас пришли сюда, чтобы это позабыть» (Там же, с. 281). Иными словами, от классовой борьбы представители рабочих не торопились отказаться. Единственный выступивший на совещании большевик Д. Б. Рязанов сказал от имени меньшинства профсоюзной группы, что не верит искренности рукопожатия Бубликова и Церетели: «Я не поверил бы даже, если бы гражданин Рябушинский расцеловался с тов. Чхеидзе» (Там же, с. 279). Усомнился в возможности достижения единения и представитель противоположной стороны политического спектра председатель Военно-промышленного комитета А. И. Гучков: «Господа, целый мир идей и верований отделяет нас, не социалистов, от людей “того берега”. Не столько личные и классовые интересы разделяют нас, а иное понимание структуры человеческого общества и задач государства» (Там же, с. 287).

Никакой общей резолюции Государственное совещание не принимало и не должно было принять⁶. Оно завершилось долгим выступлением А. Ф. Керенского, из которого можно было понять его разочарование итогами заседаний. Преодолеть язык классовой борьбы, разделения на «буржуазию» и «демократию» делегатам так и не удалось. Эта оппозиция оказалась доминирующей частью дискурса совещания и использовалась для описания разнообразных кон-

фликтов людьми разных взглядов. Даже рукопожатие Бубликова и Церетели как символическое примирение в то же время означало разделение на два противоборствующих класса. Слова безусловного доверия министрам были редки на заседании. Такой итог отчасти можно было ожидать. Правительство заявляло о расширении влияния государства, о необходимости жертв в его пользу. Однако эти призывы были обращены к организациям, которые по определению были направлены на реализацию групповых интересов и создавались как общественные автономии по отношению к государству.

Корпоративный принцип представительства можно было бы считать удачным в период революционного кризиса. Население дореволюционной России управлялось с помощью института сословий или системы курий. Объединение людей по профессиональному признаку являлось одним из очевидных способов организовать их без проведения прямых всеобщих выборов. При этом корпоративистская система не укладывается в классическое понимание демократии. Правительство определяло значение той или иной общественной или профессиональной группы, голос которой мог потеряться при общегражданских выборах. Вместе с тем членство в подобных ассоциациях было добровольным. Таким образом, корпоративизм становился одной из возможных форм коммуникации власти и населения при отсутствии формальных парламентских институтов.

Корпоративизм позволяет по-новому взглянуть на революционные процессы, которые часто искажаются из-за яркого языка эпохи. В этом ракурсе становится яснее определенная устойчивость власти Временного правительства, которое, как казалось многим современникам, не имело никакой опоры. Отчасти он дает понять состав третьей правительственной коалиции, созданной уже через полтора месяца после Государственного совещания. Тогда министерские портфели были даны не столько представителям партий, политикам, сколько профессионалам: предпринимателям, юристам, экономистам, ученым, офицерам и даже рабочим. Корпоративизм объясняет настойчивые попытки создания квазипарламента в виде Демократического совещания, а затем Предпарламента. Таким образом решалась проблема интеграции низших слоев, «нецензовых элементов», в новое гражданское общество. Они вступали в него не как отдельные граждане, а как члены организованных корпораций. При слабо выраженном национальном самосознании это был один из возможных способов консолидации населения.

Однако Государственное совещание не смогло придерживаться корпоративного представительства групповых интересов. В ходе обсуждений 13 августа основным политическим группам удалось объединить вокруг своих платформ различные корпорации. Причем организации, поддержавшие одну и другую декларацию, сложно противопоставить как «буржуазию» и «демократию». Ограничение власти Советов и других комитетов поддержали те, кто претендовал на представительство интересов инженеров, служащих, ученых и интеллигенции. В поддержку «демократических организаций» высказались кооператоры – очень разнородная группа, часть которых вернее было бы отнести не к трудящимся, а к мелким предпринимателям. По мере развития революции социальная напряженность росла, и требования различных профессиональных групп стали неразрывно связаны с политическими целями. Партии стремились говорить от имени различных слоев населения. Так они получали возможность влиять на государственные решения, а отдельные профессиональные группы усваивали новый политический язык. Очень часто это был язык классовой борьбы. Таким образом, задача исследователя состоит в том, чтобы прояснить суть социальных противоречий в 1917 г., лежащую за доминирующим дискурсом.

Примечания

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, проводимого при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00369 «Процессы легитимации насилия: культура конфликта в России и эскалация Гражданской войны».

² Самостоятельным предметом изучения Государственное совещание стало в работах А. Б. Николаева: в диссертационном исследовании [Николаев, 1989] и серии его статей, последняя из которых на данный момент вышла в 2011 г. [Николаев, 2011].

³ Например, к работе в Особом совещании для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание, помимо специалистов по государственному праву, приглашались представители партий, национальных и профессиональных групп (Архив..., 2004, с. 61).

⁴ «Демократия» в политическом языке 1917 г. часто отождествлялась с понятиями «народ», «трубящиеся классы» (см. [Колоницкий, 1997]).

⁵ В их числе был и верховный главнокомандующий генерал Л. Г. Корнилов (Государственное совещание, 1930, с. 64).

⁶ Тем не менее, по подсчетам А. Б. Николаева, платформа Государственной думы 4-го созыва собрала вокруг себя примерно 12 % совещания, декларация «Объединенных демократических организаций» – около 47 % [Николаев, 1999, с. 172].

Список источников

- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 3529. Оп. 1. Д. 6; Д. 7; Д. 10.
Чрезвычайное народное совещание в Москве // Биржевые ведомости. 1917. 14 июля.
Всероссийское совещание в Москве // Русское слово. 1917. 14 июля.
Совещание в Москве // Вечернее время. 1917. 14 июля.
Вестник Временного правительства. 1917. 13 июля.
Обращение Временного правительства к населению Государства // Вестник Временного правительства. 1917. 26 июля.
К московскому совещанию // День. 1917. 28 июля.
Государственное совещание в Москве (от министра почт и телеграфов) // Речь. 1917. 6 августа.
Московское совещание // Воля народа. 1917. 10 августа.
Предварительные совещания // Речь. 1917. 15 августа.
Совещание групп // Воля народа. 1917. 15 августа.
Собрание торгово-промышленников // Дело народа. 1917. 15 августа.
Накануне // Дело народа. 1917. 15 августа.
Объединенное собрание демократических организаций // Дело народа. 1917. 15 августа.
Распределение ораторов // Речь. 1917. 15 августа.
Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. IX. Журналы заседаний Временного правительства: Март – октябрь 1917 года. Т. 3. Июль – август 1917 года. М.: РОССПЭН, 2004. 416 с.
Государственное совещание / под ред. М.Н. Покровского. М.; Л., 1930. 372 с.

Библиографический список

- Борьба за массы в трех революциях в России. Пролетариат и средние городские слои / В.П. Булдаков [и др.]. М.: Мысль, 1981. 304 с.
Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. 965 с.
Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М.: Наука, 1971. 463 с.
Герасименко Г.А. Первый акт народовластия в России: общественные исполнительные комитеты (1917 г.). М.: Фирма «НИКА», 1992. 349 с.
Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М.: Мысль, 1994. 399 с.
Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября. Л.: Наука, 1988. 349 с.
Иванов Н.Я. Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром. М.: Мысль, 1977. 272 с.
Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М.: Наука, 1995. 236 с.
Колоницкий Б.И. «Демократия» как идентификация: к изучению политического сознания Февральской революции // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М.: Институт российской истории, 1997. С. 109–118.
Колоницкий Б. Культурная гегемония социалистов в Российской революции 1917 года // Неприкосновенный запас. 2017. № 6 (116). С. 72–87.
Массовые организации трудящихся в социалистической революции / отв. ред. П.Ф. Метельков. Л.: Лениздат, 1988. 270 с.
Миц И.И. История Великого Октября. М.: Наука, 1977. Т. 2. 1008 с.
Николаев А.Б. Борьба сил революции и контрреволюции в связи с созывом Государственного совещания (апрель – август 1917 г.): дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989. 273 с.
Николаев А.Б. Исторический опыт российского парламентаризма: Государственное совещание 1917 года // Историк и революция: сб. стат. к 70-летию со дня рождения О.Н. Знаменского / отв. ред. Н.Н. Смирнов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 161–175.

- Николаев А.Б.* К вопросу об отношении Государственной думы к Государственному совещанию (1917 г.) // Таврические чтения – 2010. Актуальные проблемы истории парламентаризма: сб. стат. Междунар. науч. конф., С.-Петербург, Таврический дворец, 7 декабря 2010 г. СПб., 2011. С. 260–309.
- Николаев А.Б., Поливанов О.А.* Российский парламентаризм в 1917 году // Кентавр. 1995. № 2. С. 72–86.
- Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде / отв. ред. А.Л. Фрайман. Л.: Наука, 1967. Кн. 2. 611 с.
- Орловский Д.* К вопросу о формах демократии накануне Октября 1917 года // П.А. Зайончковский (1904–1983 гг.): статьи, публикации и воспоминания о нем. М.: РОССПЭН, 1998. С. 407–429.
- Поликарпов В.Д.* Военная контрреволюция в России. 1905–1917 гг. М.: Наука, 1989. 381 с.
- Поликарпов М.А.* Комплексный анализ стенограмм Государственного совещания 1917 г. как метод изучения политического плюрализма // Круг идей: развитие исторической информатики: тр. II конф. ассоциации «История и компьютер». М.: Изд-во Моск. город. объединения архивов, 1995. С. 218–234.
- Рабинович А.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М.: Прогресс, 1989. 413 с.
- Российская революция 1917 года: власть, общество, культура / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: РОССПЭН, 2017а. Т. 1. 743 с.
- Российская революция 1917 года: власть, общество, культура / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: РОССПЭН, 2017б. Т. 2. 591 с.
- Руднева С.Е.* Демократическое совещание (сентябрь 1917 г.): история форума. М.: Наука, 2000. 253 с.
- Руднева С.Е.* Предпарламент: октябрь 1917 г.: опыт исторической реконструкции. М.: Наука, 2006. 277 с.
- Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л.: Наука, 1980. 260 с.
- Туманова А.С.* Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М.: РОССПЭН, 2014. 326 с.
- Шубин А.В.* Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М.: Родина МЕ-ДИА, 2014. 454 с.
- Bradley J.* Voluntary Associations in Tsarist Russia: Science, Patriotism, and Civil Society. Cambridge; London: Harvard University Press, 2009. 366 p.
- Orlovsky D.* Corporatism or Democracy: The Russian Provisional Government of 1917 // The Soviet and Post-Soviet Review. 1997. Vol. 24, no. 1-2. P. 15–25.
- Orlovsky D.T.* State Building in the Civil War Era: The Role of Lower-Middle Strata // Party, State and Society in the Russian Civil War: Exploration in Social History. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1989. P. 180–209.
- Orlovsky D.T.* The Lower-Middle Strata in Revolutionary Russia // Between Tsar and People. Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 248–268.
- Rendle M.* Defenders of the Motherland: The Tsarist Elite in Revolutionary Russia. New York: Oxford University Press. 2010. 274 p.
- Rosenberg W.G.* Social Mediation and State Construction (s) in Revolutionary Russia // Social History. 1994. Vol. 19, no. 2. P. 169–188.

Дата поступления рукописи в редакцию 12.07.2021

THE MOSCOW STATE CONFERENCE OF 1917 IN OVERCOMING THE LANGUAGE OF CLASS STRUGGLE

K. A. Tarasov

St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya str., 7, 197110, St. Petersburg, Russia;

St. Petersburg State Electrotechnical University, Professor Popov str., 5, 197022, St. Petersburg, Russia;

National Research University "Higher School of Economics", Souza Pechatnikov str., 16, 190008, St. Petersburg, Russia

senderkeeper@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8350-8170

ResearcherID: AAL-5906-2021

The article examines the history of the State Conference in Moscow on 12–15 August 1917. This public forum is considered in the context of the corporate policy of the Provisional Government, which attracted various public, professional, national, and other organizations to participate in governing the country. The idea of the Conference began to be implemented only after an attempt to remove the government from power on 3–5 July 1917. In total, the meeting was attended by up to 2,600 people representing the central bodies of the Soviets, former members of the State Duma, various military, economic, food organizations, local government, etc. For four days, the speakers tried to find a common language that would facilitate unification. However, the sessions of the State Conference were held in a conflict atmosphere. During the discussions, the division of the participants into two conventional camps was noticeable. The groups that disagree on several issues can hardly be attributed to the contradiction "bourgeoisie" - "democracy". The border between them was not social, but discursive in origin. Nevertheless, serious mutual claims did not allow them to work out a common political program. The author concludes that during the Conference, it was not possible to implement the "pure form" of corporatism and representation of group interests. The main political groups managed to unite a significant part of public and professional organizations around their declarations. The language of the class struggle remained dominant in the discourse of the conference. It was used by very different social groups to describe the varied conflicts of the time.

Key words: Russian Revolution of 1917, State Conference, corporatism, public organizations, bourgeoisie, democracy.

Acknowledgments

¹ The paper was prepared as part of a research project with financial support from the Russian Science Foundation, project No. 20-18-00369 "The processes of legitimization of violence: conflict cultures in Russia and the escalation of Civil".

References

- Bradley, J. (2009), *Voluntary Associations in Tsarist Russia: Science, Patriotism, and Civil Society*, Harvard university press, Cambridge; London, UK, 366 p.
- Buldakov, V.P. (2010), *Krasnaya smuta: Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [Red time of troubles: the nature and consequences of revolutionary violence], ROSSPEN, Moscow, Russia, 965 p.
- Buldakov, V.P. et al. (1981), *Bor'ba za massy v trekh revolyutsiyakh v Rossii. Proletariat i sredniye gorodskiyе sloi* [Struggle for the masses in three revolutions in Russia. The proletariat and the middle urban strata], Mysl', Moscow, Russia, 304 p.
- Burdzhalov, E.N. (1971), *Vtoraya russkaya revolyutsiya. Moskva. Front. Periferiya* [The second Russian Revolution. Moscow. Front. Periphery], Nauka, Moscow, Russia, 463 p.
- Durkheim E. (1994), *Samoubiystvo: Sotsiologicheskiy etyud* [Suicide: a sociological study], Mysl', Moscow, Russia, 399 p.
- Fraiman A.L. ed. (1967), *Oktyabr'skoye vooruzhennoye vosstaniye. Semnadsatyy god v Petrograde* [October armed uprising. The Seventeenth year in Petrograd], book 2, Nauka, Leningrad, Russia, 611 p.
- Gerasimenko, G.A. (1992), *Pervyy akt narodovlastiya v Rossii: Obshchestvennyye ispolnitel'nyye komitety (1917 g.)* [The first act of democracy in Russia: public executive committees (1917)], Firma «NIKA», Moscow, Russia, 349 p.
- Ioffe, G.Z. (1995), *Semnadsatyy god: Lenin, Kerenskiy, Kornilov* [The seventeenth year: Lenin, Kerensky, Kornilov], Nauka, Moscow, Russia, 236 p.
- Ivanov, N.Ya. (1977), *Kontrrevolyutsiya v Rossii v 1917 godu i ee razgrom* [The counter-revolution in Russia in 1917 and its thunder], Mysl', Moscow, Russia, 272 p.
- Kolonitskii, B. (2017), 'Cultural hegemony of socialists in the Russian revolution of 1917', *Neprikosnovennyy zapas*, № 6 (116), pp. 72–87.

- Kolonitskii, B.I. (1997), "'Democracy" as identification: towards the study of the political consciousness of the February Revolution", in *1917 god v sud'bach Rossii i mira. Fevral'skaya revolyutsiya: ot novykh istochnikov k novomu osmysleniy* [1917 in the fate of Russia and the World. February Revolution: from new sources to new understanding], Institut rossiyskoy istorii, Moscow, Russia, pp. 109–118.
- Metelkov, P.F. (ed.) (1988), *Massovyie organizatsii trudyashchikhsya v sotsialisticheskoy revolyutsii* [Mass organizations of workers in the socialist revolution], Lenizdat, Leningrad, Russia, 270 p.
- Mints, I.I. (1977), *Istoriya Velikogo Oktyabrya* [History of the Great October], vol. 2, Nauka, Moscow, Russia, 1008 p.
- Nikolaev, A.B. & O.A. Polivanov (1995), 'Russian parliamentarism in 1917', *Kentavr*, № 2, pp. 72–86.
- Nikolaev, A.B. (1989), *Bor'ba sil revolyutsii i kontrrevolyutsii v svyazi s sozvyvom Gosudarstvennogo soveshchaniya (aprel'–avgust 1917 g.)* [Struggle of the forces of revolution and counter-revolution about with the convocation of the State Conference (April–August 1917)]: Dissertation, Leningrad, Russia, 273 p.
- Nikolaev, A.B. (1999), "Historical experience of Russian parliamentarism: State Conference of 1917", in *Istoriik i revolyutsiya. Sbornik statey k 70-letiyu so dnya rozhdeniya O.N. Znamenskogo* [Historian and revolution. Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of the birth of O.N. Znamensky], Dmitriy Bulanin, St. Petersburg, Russia, pp. 161–175.
- Nikolaev, A.B. (2011), "On the question of the attitude of the State Duma to the State Conference (1917)", in *Tavrisheskiye chteniya 2010. Aktual'nyye problemy istorii parlamentarizma. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, S.-Peterburg, Tavricheskiy dvorets, 7 dekabrya 2010 g. Sbornik nauchnykh statey* [Tauride Readings 2010. Actual Problems of the History of Parliamentarism. International Scientific Conference, St. Petersburg, Tavrichesky Palace, 7 December 2010. Collection of Scientific Articles], n.p., St. Petersburg, Russia, pp. 260–309.
- Orlovsky, D. (1997), "Corporatism or Democracy: The Russian Provisional Government of 1917", *The Soviet and Post-Soviet Review*, vol. 24, № 1–2, pp. 15–25.
- Orlovsky, D. (1998), "On the question of the forms of democracy on the eve of October 1917", in *P.A. Zayonchkovskiy (1904–1983 gg.): Statyi, publikatsii i vospominaniya o nem* [P.A. Zayonchkovsky (1904–1983): Articles, publications and memoirs about him], ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 407–429.
- Orlovsky, D.T. (1989), "State Building in the Civil War Era: The Role of Lower-Middle Strata", in *Party, State and Society in the Russian Civil War: Exploration in Social History*, Indiana University Press, Bloomington; Indianapolis, USA, pp. 180–209.
- Orlovsky, D.T. (1991), "The Lower-Middle Strata in Revolutionary Russia", in *Between Tsar and People. Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia*, Princeton University Press, Princeton, USA, pp. 248–268.
- Petrov, Yu.A. (ed.) (2017), *Rossiyskaya revolyutsiya 1917 goda: vlast', obshchestvo, kul'tura* [Russian Revolution of 1917: power, society, culture], vol. 1; 2, ROSSPEN, Moscow, Russia, 743 p.; 591 p.
- Polikarpov, M.A. (1995), "Comprehensive analysis of the transcripts of the State Conference of 1917 as a method of studying political pluralism", in *Krug idey: razvitiye istoricheskoy informatiki. Trudy II konferentsii Asotsiatsii «Istoriya i komp'yuter»* [Circle of ideas: the development of historical informatics. Proceedings of the 2^d conference of the Association "History and Computer"], Izdatel'stvo Moskovskogo gorodskogo obyedineniya arkhivov, Moscow, Russia, pp. 218–234.
- Polikarpov, V.D. (1989), *Voyennaya kontrrevolyutsiya v Rossii. 1905–1917 gg.* [Military Counter-revolution in Russia. 1905–1917], Nauka, Moscow, Russia, 381 p.
- Rabinovich, A. (1989), *Bol'sheviki prikhodyat k vlasti. Revolyutsiya 1917 goda v Petrograde* [Bolsheviks Come to Power. Revolution of 1917 in Petrograd], Progress, Moscow, Russia, 413 p.
- Rendle, M. (2010), *Defenders of the Motherland: The Tsarist Elite in Revolutionary Russia*, Oxford University Press, New York, USA, 274 p.
- Rosenberg, W.G. (1994), "Social Mediation and State Construction (s) in Revolutionary Russia", *Social History*, vol. 19, № 2, pp. 169–188.
- Rudneva, S.E. (2000), *Demokraticeskoye soveshchaniye (sentyabr' 1917 g.): Istoriya foruma* [Democratic Conference (September 1917): History of the Forum], Nauka, Moscow, Russia, 253 p.
- Rudneva, S.E. (2006), *Predparlament: oktyabr' 1917 g.: opyt istoricheskoy rekonstruktsii* [Preparliament: October 1917: The Experience of Historical Reconstruction], Nauka, Moscow, Russia, 277 p.
- Shubin, A.V. (2014), *Velikaya Rossiyskaya revolyutsiya: ot Fevralya k Oktyabryu 1917 goda* [The Great Russian Revolution: From February to October 1917], OOO «Rodina MEDIA», Moscow, Russia, 454 p.
- Startsev, V.I. (1980), *Vnutrennyaya politika Vremennogo pravitel'stva pervogo sostava* [Internal Policy of the Provisional Government of the First Composition], Nauka, Leningrad, Russia, 260 p.
- Tumanova, A.S. (2014), *Obshchestvennyye organizatsii Rossii v gody Pervoy mirovoy vojny (1914-fevral' 1917 g.)* [Public Organizations of Russia during the First World War (1914-February 1917)], ROSSPEN, Moscow, Russia, 326 p.
- Znamenskiy, O.N. (1988), *Intelligentsiya nakanune Velikogo Oktyabrya* [The Intelligentsia on the Eve of the Great October], Nauka, Leningrad, Russia, 349 p.